

— У Сяо Се был очень сообразительный вид: он взял поднос и поставил его на стол.

— Матушка, я помогу вам расставить посуду, — льстиво улыбнувшись, предложил Ван Толстяк. Одному лишь аромату стоило донестись до его нос, как он понял: блюда, приготовленные матерью У, ничуть не уступают угощениям из прославленного ресторана Лоувайлоу.

Хэй Яньцзин посмотрел на У Се и Ван Толстяка, а затем бросил многозначительный взгляд, заметив, как у тех мгновенно переменялись лица.

— Сяо Хуа, Яньцзин, хватит стоять столбом, живо садитесь за стол, мы садимся обедать, — радушно позвала мать У.

Обед выдался на славу: рыба, мясо — всё выглядело невероятно аппетитно и источало потрясающий аромат. У Се редко удавалось поесть дома, поэтому мать У проявила исключаящее гостеприимство: едва успев положить кусочек одному, она тут же принималась накладывать еду другому. За весь обед она сама почти ничего не съела, но хлопотала с огромным удовольствием.

Глядя на суетливую заботу матери, У Се слегка скривил губы. Он почему-то чувствовал, что в глазах собственной родительницы этот его статус родного сына ценится куда меньше, чем расположение каких-то посторонних людей.

Сам того не замечая, он погрузился в мысли. Интересно, поел ли к этому часу Сяо Гэ? И что же скрывается за теми бронзовыми воротами?

Заметив, что во время еды У Се умудрился зависнуть, и уловив в его выражении лица нечто до боли знакомое, напоминающее самого Сяо Гэ, Ван Толстяк почувствовал, как сердце кольнула тоска.

Если подумать, его собственная тоска и скорбь по Ань-чуань всё же не шли ни в какое сравнение с тем, что испытывал У Се. Неудивительно, что за всю свою жизнь Ван Толстяк нашёл лишь двоих по-настоящему близких, готовых разделить с ним смерть братьев — его самого и Сяо Гэ. И вот теперь один из них, чья судьба висела на волоске, находился взаперти за теми проклятыми воротами. Эх, Ван Толстяк внезапно поймал себя на мысли, что и сам стал чересчур сентиментальным.

Се Юйчэнь же ел не спеша, с изысканными манерами: глядя на него, казалось, что он соблюдает строжайший этикет. Он то и дело рассыпал комплименты в адрес угощений, выражая матери У свою искреннюю любовь к её стряпне, чем окончательно покориł её сердце.

А мать У, казалось, вовсе не замечала отсутствующего вида У Се — вся её забота была сосредоточена на Се Юйчэне и Хэй Яньцзине, которым она безостановочно подкладывала еду.

Обед прошёл в лёгкой и уютной атмосфере, однако У Се прекрасно понимал: как только он отсюда уйдёт, ему придётся снова надеть маску, ведь ему предстояло разобраться со всеми делами торговых точек.

Каким человеком был У Саньсин и как Се Ляньхуань обошёлся с ним — всё это было предельно ясно У Се, словно отражение в зеркале. Но теперь ему предстояло в одиночку взять под свой контроль весь бизнес Третьего дяди на торговых точках. И даже при поддержке Сяо Хуа на душе у него было беспокойно. Казалось, с того самого момента, как Мэньюпинь исчез, чувство безопасности покинуло У Се навсегда.

Тук-тук. Мать У бросила недовольный взгляд на погруженного в свои мысли У Се и дважды постучала по столу.

Опомнившись, У Се виновато улыбнулся, резко вскочил и выпалил:

— Мам, я помогу тебе вымыть посуду!

— Сначала доешь, — мрачно бросила мать У.

У Се запоздало всё понял, тут же умерил свои тайные помыслы и принялся сосредоточенно доедать обед.

Ван Толстяк сидел напротив У Се. Заметив выражение лица матери У, он невольно внутренне содрогнулся. В конце концов, мать У тоже принадлежала к кругу Старых Девяти Врат. Пусть внешне она и вела себя так, будто ей нет дела до мирской суеты, острый взгляд женщины наверняка заметил те странности, которые сегодня проявил У Се.

— Сяо Се, нет никого ближе матери, что родила тебя. Я лишь хочу, чтобы ты был в безопасности, — тихо произнесла мать У, не сводя глаз с лица сына, словно надеясь отыскать на нём хоть какое-то выражение, способное принести ей покой.

— Тетя, не переживайте, — вовремя вмешался Се Юйчэнь. — Я буду помогать У Се.

— Вот именно, матушка, не беспокойтесь! У Се — мой брат, за которого я готов отдать жизнь. Если кто-то посмеет пойти против него, пусть сначала спросит меня, согласен ли толстяк Цянь! — пафосно заявил Ван Толстяк.

— Будьте спокойны, У Се отправляется лишь за тем, чтобы принять семейный бизнес Семьи У, никакой опасности здесь нет. Он будет управлять точками, а это не имеет ничего общего со смертельным риском, — тоже вставил своё слово Хэй Яньцзин.

— Раз у Сяо Се есть такие верные друзья, я спокойна. Если столкнешься с чем-то сложным, обязательно посоветуйся со Вторым дядей, — напутствовала мать, всё ещё испытывая тревогу.

— Понял, мам, — поспешно отозвался У Се.

После обеда У Се взял на себя всю работу по мытью посуды. Он встал у раковины, пустил воду, выдавил средство для мытья и принялся за дело с такой сноровкой, будто проведенный в подземных гробницах год никак не отразился на его бытовых навыках.

Закончив с кухней, У Се вытер руки о фартук и вышел. Увидев, что его мать уже забыла о недавней строгости и вовсе весело беседует с Ван Толстяком и остальными, он понял: в каком-то смысле родители смирились с тем, что он решил взять под контроль дела торговых точек Третьего дяди, и на душе у него сразу полегчало.

Получить хоть какую-то поддержку от семьи — для У Се это было невероятно важно.

Покинув дом Семьи У, Се Юйчэнь сел за руль бросающегося в глаза ярко-красного спортивного автомобиля марки Ferrari и, захватив с собой всю компанию, направился к одной из торговых точек У Саньсина в Чанша.

Стоило зайти за разговор об У Саньсине, как У Се и Се Юйчэнь по молчаливому согласию погрузились в тягостное молчание. В конце концов, между У Саньсином и Се Ляньхуанем существовала сложнейшая, запутанная сеть связей, разорвать которую было невозможно. Иногда У Се даже казалось, что Семья Се в известной степени уже поглотила Семью Се.

В конце концов, кем приходился ему Третий дядя — Се Ляньхуанем или У Саньсином? Никто не мог сказать наверняка. И кому на самом деле принадлежали эти торговые точки: Семье У или Семье Се? Оставил ли их У Саньсин для У Се или же Се Ляньхуань для Се Юйчэня?

На этот раз У Се обошлся без маски из человеческой кожи, однако он надел другую маску — прямо в своём сердце. То было лицо, знакомое ему лучше всего.

Миновав перекрёсток, машина выехала к чайной на краю широкой улицы. Заведение выглядело всё так же неприметно, но внутри кипела жизнь, собиралось много людей, хотя казалось, что посетителей стало чуть меньше, чем во время их прошлого визита.

Се Юйчэнь бросил на У Се взгляд:

— Готов?

Ван Толстяк скорчил У Се уморительную рожицу и подмигнул:

— Наивный, мы готовы. На этот раз мы заставим их убраться отсюда поджав хвосты.

Глядя на место, где уже бывал раньше, У Се глубоко вздохнул и кивнул. На этот раз он шёл

сюда с собственным лицом, и Пань Цзы рядом не было.

Се Юйчэнь припарковал машину у обочины. Ван Толстяк вышел первым и с важным видом открыл перед У Се дверцу, безупречно исполняя роль верного прихвостня.

Выбравшись наружу, У Се окинул взглядом окрестности — сказывалась привычка, выработанная во время вылазок под землю. В подземных гробницах они вечно сталкивались с самыми разными опасностями, и порой именно малейшая, незаметная деталь давала ключевую разгадку для распутывания смертельных ловушек.

Се Юйчэнь и Хэй Яньцзин молча встали по обе стороны от У Се.

У Се небрежно сунул руки в карманы, а Ван Толстяк зашагал впереди. Стоило компании появиться на пороге чайной, как среди посетителей тут же поднялся шум, люди принялись взволнованно перешептываться.

Вся процессия с каменными лицами двинулась внутрь чайной, и толпа автоматически расступилась, образуя два ряда. Наблюдая за их шепотками, У Се на мгновение ощутил непреодолимое желание поставить их на место, но тут же подавил этот порыв, а на его губах сама собой заиграла холодная усмешка.

Поднявшись на второй этаж, они оказались в коридоре, по обе стороны которого тянулись двери отдельных кабинетов. Обстановка здесь почти не изменилась с прошлого раза. Ван Толстяк шёл впереди: они заранее продумали сценарий, и теперь он должен был провести их в кабинет в самом конце коридора.

Одернув занавеску, они вошли внутрь. У Се сразу направился к массивному столу из красного дерева. Ван Толстяк отодвинул пять стульев, оставив свободным лишь одно место для него, а остальные стулья задвинул к самой стене. Следом за ним Ван Толстяк, Се Юйчэнь и остальные тоже уселись на свои места.

Сидевший с краешку Хэй Яньцзин с лукавой улыбкой принялся заваривать чай кунг-фу, заодно протянув пиалу У Се. Его способ заварки отличался от того, что использовала Сюэсюэ: без той особой шпильки приготовленный чай не обладал успокаивающим эффектом.

Сделав глоток, У Се почувствовал лёгкий, превосходный вкус — похоже, это был отборный Лунцзин, но в аромате таилась нотка, до боли знакомая, однако ускользающая от понимания.

Умиротворение?

У Се резким движением вскочил на ноги и свирепо уставился на Хэй Яньцзина. Да, это было чувство покоя — но покой У Се не мог даровать кто попало. И всё же сейчас он явственно ощущал это до боли знакомое, неизгладимое из памяти ощущение.

— Маленький Третий Господин, ты теперь успокоился? — взгляд Хэй Яньцзина через стёкла очков пронзил У Се насквозь.

— У Се, пора выложить нам твой истинный план, — глядя на него, произнес Се Юйчэнь.

— Сперва возьмём под контроль торговые точки, — выдохнул У Се.

— А потом? — подхватил Ван Толстяк.

— Первоочередная задача — разобраться с этим делом, а там посмотрим, — покачал головой У Се.

— Что ж, тогда действуем по первоначальному плану, — невозмутимо произнес Се Юйчэнь, хотя интуиция подсказывала ему: будь то захват торговых точек или сам У Се — во всём этом таилась некая неуправляемая сила, из-за которой обстановка вокруг казалась туманной и неясной.

Принято. Ровно в девять, на старом месте. У Се быстро набрал сообщение и разослал его по цепочке.

После той операции по спасению Мэньюпиня и остальных — сколько людей теперь осталось на его стороне?

Вслед за ними в чайную ввалилась целая толпа. Сейчас все они оставались за занавесками, очевидно, разойдясь по соседним кабинетам.

Не было слышно ни звука — казалось, все чего-то выжидают.

Воздух постепенно наполнялся странным ароматом, обладающим удивительным успокаивающим свойством. У Се неожиданно для себя успокоился. Машинально подняв голову и взглянув на потолок, он сообразил, что дело неладно, и попытался подняться, но обнаружил, что его тело оцепенело в одной позе, а из горла вырывается лишь глухое клокотание, не позволяющее произнести ни слова.

Дрянь дело! — мелькнула в голове единственная мысль, после чего У Се окончательно потерял сознание.

Бесконечная тряска, глухой стук. У Се чувствовал лишь, что всё его тело онемело, пошевелиться было невозможно. Веки отяжелели, глаза не открывались, а сознание тонуло в тумане.

Сколько времени прошло, У Се не знал. Его разум прояснялся постепенно: извне доносился

невнятный шёпот беседующих людей, а неровная дорога заставляла машину покачиваться.

Ощущения сильного голода или жажды не было — то ли длительное голодание перевело организм в режим внутреннего потребления, то ли прошло совсем немного времени.

— Маленький Третий Господин, прости за неудобства, — прозвучал у самого уха ровный, бесцветный голос. У Се понял, что притворяться дальше бесполезно.

Его длинные ресцы слегка дрогнули, и лишь спустя долгое время, привыкнув к полумраку, У Се сумел разглядеть того, кто стоял перед ним.

— Ван Бацю? — с сомнением произнес У Се.

— У Маленького Третьего Господина отличная память, — отозвался тот.

— Что это значит? — холодно спросил У Се, с трудом приподнявшись и окинув взглядом обстановку.

Они находились в купе поезда. По обе стороны друг над другом располагались шесть полок, а четверо крепких парней весело играли в карты на противоположных местах.

У их ног громоздилось несколько крупных рюкзаков со специализированным снаряжением. И хотя поездами порой удавалось провозить кое-какую запрещёнку, очевидно, бандиты не рисковали брать слишком много, либо заранее перебрали основное снаряжение в пункт назначения другим путём.

— В своё время Маленький Третий Господин в два счёта разнёс всю мою торговую точку. К счастью, мне посчастливилось получить таинственную помощь некоего господина, иначе мне было бы не сдобровать, — произнес Ван Бацю.

— Суметь вытащить людей из рук Пань Цзы и Сяо Хуа... У этого твоего господина явно серьёзные покровители, — холодно глядя на него, бросил У Се.

— Что вы, я просто случайно столкнулся с этой таинственной силой, — усмехнулся Ван Бацю.

В голове У Се зашевелились сомнения. Глядя на Ван Бацю и сидевших напротив него подручных, он вдруг почувствовал, как сердце кольнуло — от этих людей исходил слабый привкус нечистой силы.

— Способность к материализации? — неуверенно спросил У Се.

— Похоже, Маленький Третий Господин человек понятливый, — улыбнулся Ван Бацю.

— Эту способность вам даровал тот таинственный господин? — уже полностью взяв себя в руки, спросил У Се.

— Честно говоря, когда человек оказывается на краю гибели, скрытый потенциал пробуждает поистине безграничные возможности. Маленькому Третьему Господину не стоит удивляться — из всех нас эту силу удалось обрести лишь пятерым, — усмехнулся Ван Бацю. Словно желая доказать правдивость своих слов, он разжал ладонь, и в ней медленно материализовался простой складной нож.

Серебристый отблеск поймал луч солнца, заставив У Се зажмуриться. Внезапная вспышка боли заставила его дёрнуться, но путы не ослабли, а некоторые участки тела вовсе потеряли чувствительность от долгого нахождения в неподвижном положении.

— Ххе, и каково же Маленькому Третьему Господину на вкус? — холодно бросил Ван Бацю.

Материализованный нож со свистом вонзился прямо в бедро У Се, и алая кровь тотчас обильно потекла по штанине.

У Се холодно смотрел на Ван Бацю, не пытаясь вырваться и не крича. Если бы его убийственный взгляд обладал хотя бы половиной мощи Мэньюпиня, он бы уже прикончил этого ублюдка. Но сейчас, лишённый поддержки Мэньюпиня и Толстяка, У Се оставался самым обычным, заурядным человеком.

— Какая выдержка у Маленького Третьего Господина! Впрочем, не переживай, мы тут же тебя исцелим, — жутко улыбнувшись, крикнул Ван Бацю: — Сяо Лю!

Сидевший на противоположной полке парень, не прекращая тасовать карты, поднял голову и посмотрел в их сторону.

— Покажи свою силу, вылечи его.

— Есть, Третий господин Цю, — кивнул юноша по имени Сяо Лю. Он схватился за рукоять ножа, торчащего из бедра У Се, резким движением выдернул его, а затем приложил левую руку к рваной ране.

По телу разлилось странное покалывание, будто тысячи муравьёв бегали под кожей, непрерывно терзая плоть. Было больно и в то же время щекотно; хотелось шевельнуться, но подручные держали его мёртвой хваткой. На мгновение У Се показалось, что вот так его и замучают насмерть в каком-нибудь глухом, безлюдном месте. Интересно, заметили ли Толстяк с Сяо Хуа его исчезновение? Ищут ли его?

Странное ощущение длилось всего минуту, после чего Сяо Лю встал и молча занял место за спиной Ван Бацю.

Ван Бацю самодовольно посмотрел на ногу У Се: кожа на месте недавней раны была абсолютно гладкой, не осталось даже шрама. Спустя секунду восстановилась и порванная штанина, вновь став целой. На лице мужчины появилась издевательская, зловещая улыбка.

У Се не глядел на Ван Бацю. Он тупо уставился на потолок вагона, погрузившись в странное оцепенение — словно этот нехитрый приём помогал ему перенестись в иное измерение. Боль исчезла, мозг работал на предельных оборотах, лихорадочно просчитывая варианты противодействия. Снова и снова он прокручивал в уме каждый шаг, доводя детали до почти безупречной точности, пока в конце концов не выстроил рабочий план.

Ван Бацю не увидел на лице У Се тех эмоций, которых так жаждал. Настойчивое равнодушие этого избалованного Семейей У молодого господина окончательно вывело его из себя.

Ван Бацю с размаху пнул У Се ногой, сбросив с полки, и прижал сапог к его животу:

— Ну-ка, подойдите все трое, побейте его! Только смотрите не зашибите насмерть, а то Сяо Лю потом не сможет исцелить.

У Се рухнул на пол, успев подставить плечо, чтобы не удариться головой о твердую поверхность. Бросив на Ван Бацю вызывающий взгляд, он вновь уставился на потолок вагона.

— Твою мать! — выругался Ван Бацю и швырнул нож прямо в У Се. Лезвие со свистом рассекло воздух, оставив кровавый след — нож намертво пригвоздил плечо У Се к полу вагона.

— Раз уж у тебя, Маленький Третий Господин, такая нестигаемая воля и характер не хуже, чем в былые годы, позволь мне, старшему товарищу, немного сбить с тебя эту спесь, — скрипнув зубами, Ван Бацю взмахнул рукой: — Фас!

Глухие удары кулаков и пинки посыпались на У Се со всех сторон. У Се не шевелился, он даже не пытался защититься — лишь пассивно принимал побои. Воспоминания вспыхивали в голове обрывками оборванной нити, и в ушах снова прозвучал голос Пань Цзы: «Маленький Третий Господин, жизнь Третьего — не для простых людей. В этих словах много смысла... Но с твоим складом характера ты точно этого не вынесешь».

«Я вынесу. Ради тебя, ради тех, кто столько лет оберегал меня, и особенно ради того, кто всё ещё ждет меня у Бронзовых врат», — тихо повторял про себя У Се.

Интересно, если бы он сейчас увидел меня в таком жалком виде, не разозлился ли бы так, что сам выпрыгнул из-за врат? — подумал У Се, глядя на потолок.

В этот момент наваждения его сознание наконец отключилось.

— У Се.

Знакомый голос — ровный, спокойный, лишённый всяких интонаций. У Се встретился взглядом с парой красивых глаз.

Ццц. У Се очнулся от пронзительной боли в груди: стоило ему сделать вдох, как сердце тут же отзывалось острой вспышкой. Первым, что попало на глаза, был пустой потолок вагона, а в ушах стоял привычный шум. Лишь спустя какое-то время он пришёл в себя и медленно сел.

— Маленький Третий Господин, с этого момента наши старые счёты сведены. Теперь нам нужно, чтобы ты помог отыскать гигантское дерево Циньлин, — произнес Ван Бацю, заметив, что У Се очнулся, и протягивая ему бутылку воды.

У Се с равнодушным видом принял пластиковую бутылку и, ничуть не опасаясь подвоха, открыл крышку и сделал глоток.

На теле не осталось ни боли, ни следов увечий — рана на плече полностью затянулась, точно так же, как и предсказывал Ван Бацю. В конце концов, они собирались лишь жестоко избить его, а затем исцелить, ведь ему ещё предстояло сыграть свою роль.

С чего бы им вдруг искать дерево желаний царства Хэго? Действуют ли они по поручению того таинственного господина или нуждаются в нём сами? И от кого они услышали, будто У Се владеет этой информацией? Неужели Лао Ян? У Се мысленно разложил по полочкам все возможные версии, используя любимый метод перебора Ван Толстяка.

На губах У Се внезапно появилась фирменная улыбка. Он откашлялся и произнес:

— Раз нам предстоит дальнейшее сотрудничество, выкладывай всё, что знаешь. На этот раз операцию возглавляешь ты лично? Раз мы отправляемся под землю, я рассчитываю на то, что снаряжение будет в полном порядке.

Ван Бацю никак не ожидал, что после всего пережитого У Се сможет так лучезарно улыбаться. От него веяло какой-то безмятежной, солнечной энергетикой — той самой чистотой и наивностью, к которой так отчаянно тянулись люди, привыкшие жить во тьме.

— Мы действуем по поручению Господина — отправляемся на поиски дерева Циньлин. Эту вылазку тоже организовал он. К тому же, чем ближе мы будем подбираться к дереву, тем сильнее станет наша сила. Так что в этот раз для спуска под землю не потребуется громоздкого снаряжения — налегке и без лишней подготовки будет в самый раз, — медленно пояснил Ван Бацю.

<http://bllate.org/book/22030/2290338>